

3) международные договоры ЕАЭС с третьей стороной (международные договоры, заключаемые с третьими государствами, их интеграционными объединениями и международными организациями);

4) решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и ЕЭК, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках ЕАЭС.

По аналогии с правом ЕС в праве ЕАЭС выделяют:

1) первичное право (учредительный Договор о ЕАЭС, дополняющие его договоры по вопросам функционирования ЕАЭС);

2) вторичное право (юридические обязательные акты в форме решений и распоряжений руководящих органов ЕАЭС).

В настоящее время еще нельзя утверждать о наднациональном правовом регулировании международных частноправовых отношений в рамках ЕАЭС, однако сам механизм наднационального регулирования формируется и сфера его воздействия расширяется. В частности, в состав коллегии ЕЭК входят Консультативный комитет по миграционной политике и Консультативный комитет по вопросам социального обеспечения, соблюдения пенсионных прав, оказания медицинской помощи и профессиональной деятельности трудящихся государств — членов ЕАЭС, которые занимаются разработкой проекта Договора о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС а также планированием общих актов реализации норм указанного договора. Очевидно, что речь идет о формировании не только нового источника первичного права ЕАЭС, но и источников вторичного права — решений ЕЭК.

КОЛЛЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕГО РЫНКА ТОВАРОВ ЕАЭС

Леанович Е. Б., Белорусский государственный университет

Основное условие успешного функционирования общего рынка ЕАЭС, как и любого другого регионального экономического интеграционного объединения — свободное перемещение товаров. Для этой цели недостаточно ликвидировать тарифные и нетарифные ограничения торговли. Необходимо снять любые ограничения на пути движения товаров между государствами-членами. Права интеллектуальной собственности могут создавать препятствия на пути свободного перемещения товаров и снять такого рода барьеры гораздо сложнее, чем таможенные тарифы и квоты. В доктрине выделяют «негативную» и «позитивную» интеграцию. Негативная интеграция выражается в открытии границ. Позитивная интеграция подразумевает проведение общей политики в разных сферах жизни и связанной с этим гармонизации и унификации национальных правовых систем.

Сотрудничество государств — членов ЕАЭС по вопросам интеллектуальной собственности относится к процессу позитивной интеграции по созданию общего рынка товаров. Права интеллектуальной собственности носят территориальный характер. В отличие от права материальной собственности они четко

показывают фрагментацию общего рынка на отдельные национально-правовые системы государств-членов, где предоставляется охрана объектам интеллектуальной собственности. Область коллективного управления — объекты авторского права и смежных прав, и произведения бросает наиболее сложные вызовы процессу эффективного обеспечения свободы перемещения товаров на общем рынке. Во-первых, в государствах-членах слишком велики расхождения в базовых подходах к построению системы коллективного управления. Во-вторых, национально-правовое регулирование коллективного управления вообще знает очень мало примеров гармонизации. В-третьих, оборот товаров, воплощающих объекты авторского права и смежных прав связан с наименее урегулированной сферой торгового оборота с такими нечеткими с правовой точки зрения терминами, как «товар в цифровой форме», «цифровые каналы сбыта» и т. п.

Вместе с тем, пример ЕС показывает, что обращение к решению данных проблем является неизбежной задачей построения общего рынка в условиях повсеместного использования ИТ-технологий. Наиболее важным источником права ЕС в рассматриваемой области является директива 2014/26 от 26 февраля 2014 г. о коллективном управлении авторского права и смежных прав в мультитерриториальном лицензировании прав на музыкальные произведения для использования в режиме онлайн на внутреннем рынке — и далее директива 2014/26. Данная директива четко выделяет две области для гармонизации национального права стран-членов: общие требования по созданию, деятельности и отчетности организаций по коллективному управлению; специальные требования по обеспечению эффективного управления авторскими и смежными правами в режиме онлайн. В частности, для решения проблем во второй из выделенных областей установлены строгие требования по обеспечению надлежащих технических средств, используемых для работы в режиме онлайн, которые касаются идентификации правообладателей, объектов, находящихся в управлении, актов использования и т. д. Примечательно, что введение и использование коллективного управления в режиме онлайн осуществляется по факту. Однако из положений директивы 2014/26 от 26 февраля 2014 г. усматривается намерение ЕС его развивать. Например, согласно статье 6.4 данной директивы организация по коллективному управлению должна предоставлять своим членам возможность использования электронных средств связи.

Понятие «мультитерриториальное лицензирование на использование музыкальных произведений онлайн» не подразумевает введение в действие унифицированной на коммунитарном уровне системы коллективного управления. Эти вопросы остаются в ведении стран-членов и решаются через гармонизацию национальных законов. Вместе с тем, выделение в директиве 2014/26 соответствующих отношений показывает, что коллективное управление тесно связано со свободой перемещения цифровых товаров, воплощающих объекты авторского права и должно подлежать специальному регулированию нормами права регионального интеграционного объединения.

В ЕАЭС разработан проект Соглашения о порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе — далее Соглашение ЕАЭС. Данное соглашение находится в стадии подписания и вступит в силу после того как все государств — членов ЕАЭС выполнят соответствующие процедуры.

Соглашение ЕАЭС довольно подробно затрагивает различные аспекты коллективного управления. В частности: дозволенный размер и порядок удержаний из собранного вознаграждения на покрытие расходов по осуществлению коллективного управления и направления средств на социальные, культурные, образовательные цели; отчетность и обязательный аудит механизма сбора, распределения и выплаты вознаграждения; сроки распределения и выплаты вознаграждения; ответственность за незаконное использование объектов авторского права и смежных прав, а также за нарушение порядка осуществления коллективного управления.

В шести приложениях к Соглашению ЕАЭС детализированы вопросы минимальных ставок вознаграждения и порядок осуществления коллективного управления для определенных прав и объектов.

В целом Соглашение ЕАЭС оценивается положительно. Правовое регулирование коллективного управления в государствах-членах не получило должного развития. Имплементация его положений послужит прогрессивному развитию права интеллектуальной собственности государств-членов. Однако нарекание вызывают следующие моменты. Отсутствует должного обращения к проблеме цифровых технологий при осуществлении коллективного управления вообще и для случаев цифрового использования объектов авторского права и смежных прав в частности. Формулировки Соглашения ЕАЭС по этим вопросам слишком осторожны. Например, по статье 5 «Организации по коллективному управлению должны, насколько возможно, обеспечить соответствие электронных средств подходящим отраслевым стандартам или практикам, принятым на международном уровне.». В Соглашении ЕАЭС слишком много положений, которые вместо изложения модели правового регулирования просто обозначают направления для совершенствования национального права. Так, в статье 6 «Стороны устанавливают ответственность за использование объектов авторских и (или) смежных прав без согласия правообладателя, а равно без выплаты вознаграждения, за исключением случаев, предусмотренных национальным законодательством. Стороны принимают необходимые меры по гармонизации норм законодательства, предусматривающих такую ответственность, а также ответственность организаций по коллективному управлению за нарушения порядка управления правами, установленного настоящим Соглашением и (или) соответствующим национальным законодательством». Кроме того, в Соглашении ЕАЭС довольно мало места уделено вопросам коллективного управления в отношении одного и того же правообладателя на территории нескольких государств-членов. Так, Приложение 4 к данному соглашению излагает правила порядка распределения и выплаты обладателям прав на фонограммы и аудиовизуальные произведения вознаграждения за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях. Фактически они не нужны, поскольку либо описывают результат применения норм национального права государств-членов, либо повторяют нормы Соглашения (например, о периоде и размере вознаграждения с небольшим уточнением по проценту распределения). Однако, по сути текст Приложения 4 в отсутствие регионального исчерпания авторских и смежных прав в ЕАЭС свидетельствует о противоречии территориальной природы прав интеллектуальной собственности свобо-

де перемещения товаров, поскольку, пусть и небольшой размер отчислений по коллективного управления рассматриваемыми правами, фрагментирует рынок, ведет к удорожанию товаров и создает новые барьеры на пути движения товаров. В результате такое развитие права интеллектуальной собственности ЕАЭС не содействует развитию основной свободы общего рынка. Примечательно, что практика вызывает к жизни организационные формы интеграции коллективного управления на территории е. В частности, в начале лета 2017 г. была создана Евразийская конфедерация обществ правообладателей, объединяющая организации по коллективного управления стран, входящих в ЕАЭС и СНГ.

АВТОНОМИЯ ВОЛИ СТОРОН ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ВСЛЕДСТВИЕ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Маскаева Н. Г., Белорусский государственный университет

В настоящее время в отношении правового регулирования автономии воли сторон в обязательствах, возникающих вследствие недобросовестной конкуренции, прослеживаются два противоположных подхода:

1. В соответствии с первым указанным сторонам не дозволяется выбрать право, применимое к данным обязательствам. Такая позиция отражена, например, в статье 1618 Гражданского кодекса Республики Молдова от 6 июня 2002 г., статье 1228 Гражданского кодекса Республики Таджикистан от 1 марта 2005 г. (ч. 3), пункте 4 статьи 6 регламента (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета Европейского союза от 11 июля 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам». Законодательство Республики Беларусь не содержит специального коллизионного регулирования обязательств, возникающих вследствие недобросовестной конкуренции. Вместе с тем, поскольку под сферу действия автономии воли сторон подпадают лишь договорные обязательства, можно сделать вывод о том, что рассматриваемого подхода придерживается и белорусский законодатель.

В качестве обоснований запрета автономии воли сторон рассматриваемых обязательств в доктрине приводятся:

- «коллективные» последствия соответствующего правонарушения ;
- необходимость защиты всех участников рынка, создания равных условий и правил конкуренции;
- отнесение недобросовестной конкуренции к злоупотреблению гражданскими правами, которое, как правило, влечет за собой серьезные санкции, а кроме того, позволяет ограничивать права лица, допустившего злоупотребление и др.

2. Согласно второму подходу, закрепленному, например, в статье 43 Закона Грузии 1998 г. «О международном частном праве», абзаце 2 пункта 1 статьи 1222 Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. (ч. 3) автономия воли сторон данных обязательств возможна (но лишь в определенных случаях и (или) при соблюдении ряда условий). Так, упомянутое положение ГК Российской Федерации допускает выбор применимого права, только если недобросовестная конкуренция затрагивает исключительно интересы отдельного